

Кропотов В.В. ФИБУЛЫ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ II В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э. КАК ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Постановка проблемы. Металлические застёжки-фибулы давно привлекают к себе внимание исследователей. И это неслучайно. Будучи одним из самых распространенных видов украшений у большинства племен и народов, населявших в древности Европу, они постоянно изменяли свою форму и стиль, являясь надежным, а для многих регионов и единственным, датирующим элементом, позволяющим установить время того или иного исторического явления. Кроме того, фибулы оказывают незаменимую помощь в выявлении древних центров производства, определении направлений торговых и экономических связей, выделении отдельных культурно-исторических областей. Вместе с тем, они важны и как произведения древнего искусства, отражающие этапы духовного развития общества и особенности его верований. Именно поэтому изучение этих интереснейших исторических источников с привлечением всего комплекса археологических и письменных данных имеет для науки неопределимое значение.

За рубежом фибулам уже давно отведена особая роль в хронологических построениях и этнокультурных реконструкциях. Их углубленное изучение лежит в основе периодизации и абсолютной датировки гальштатской, латенской и провинциально-римской культур. Сотни посвященных им работ отражают все особенности распространения металлических застёжек, показывают основные пути их развития, характеризуют специфику производства и способы применения. Однако застёжкам юга Восточной Европы, особенно их древнейшим образцам периода безраздельного господства на юге Восточной Европы сарматских племен (II в. до н.э. – III в. н.э.), в литературе до сих пор не уделено должного внимания.

Цель данной статьи – выявление на основе историографического анализа основных тенденций в научной интерпретации фибульного материала II в. до н.э. – III в. н.э., накопленного в ходе археологических исследований на юге Восточной Европы.

Изложение основного материала. Научный интерес к фибулам как таковым зародился во второй половине XIX века на Западе. Шведские и немецкие историки, увлеченные изучением культуры древних германских народов, уделяли особое внимание высокохудожественным металлическим застёжкам как наиболее яркому проявлению последней. Заметное место в своих исследованиях фибулам отводили Г. Гильдебрандт, О. Монтелиус, О. Тишлер, П. Рейнеке и многие другие. В частности, О. Тишлер, основываясь на конструктивных особенностях фибул и формах мечей, разделил латенскую культуру второй половины I тыс. до н.э. на три стадии: раннюю (Латен I), среднюю (Латен II) и позднюю (Латен III) [97]. Именно это деление легло в основу всех последующих классификаций латенских застёжек.

Для изучения фибул юга Восточной Европы наибольшее значение имела работа О. Альмгрена, посвященная североευропейским застёжкам I – V вв. н.э. [71], в которой автор отметил особое значение причерноморских материалов в понимании общих тенденций развития фибул всей Европы и сделал важное предположение о ведущей роли готов Северного Причерноморья в распространении античного влияния в глубь Европейского континента в период поздней Римской империи (III – IV вв.). Именно О. Альмгрен разработал методику изучения металлических застёжек, заложил основы их классификации и хронологии, а также наметил основные этапы развития подвязных украшений и выделил специфические причерноморские формы, неизвестные на Западе, определив тем самым основные направления в исследовании фибул юга Восточной Европы.

Растущий на Западе интерес к восточноевропейским застёжкам вызвал и появление первых публикаций, посвященных отдельным коллекциям этих изделий. Так, в 1897 г. вышла в свет книга графа Е. Зичи, содержащая описание фибул, собранных им в Предкавказье [102, taf. XX]. В том же году было опубликовано собрание керченских застёжек из Стокгольмского музея [85]. Последняя работа, хотя и не содержала серьезных исторических выводов, тем не менее, более пятидесяти лет оставалась наиболее полной публикацией причерноморских фибул по представленным в ней типам.

В России в это время на страницы научных изданий попадали только отдельные экземпляры этих украшений [см., например: 18, табл. XXIV, 1, 2, 10; 36, табл. IX, 199; 42, рис. 67; и др.], а первым свидетельством зарождения научного интереса к ним стало краткое сообщение Р.Ф. Гаусмана [10], в котором исследователь познакомил читателей с только что вышедшей в свет книгой О. Альмгрена и привел описание фибул из коллекции Одесского музея, не снабдив его, к сожалению, какими-либо иллюстрациями.

В начале XX в. фибулам юга Восточной Европы стали уделять большее внимание, однако они по-прежнему оставались объектом специальных исследований преимущественно шведских и немецких ученых [см., например: 78; 95]. Раскопками конца XIX – начала XX вв. был добыт большой фактический материал, в том числе множество фибул из хорошо датируемых комплексов (Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Кубань). Эти находки всё чаще стали попадать на страницы научных изданий [см., например: 25, рис. 17-18; 26, рис. 14; 59, рис. 69; 60, рис. 60-61, 63, 70-72; 70, рис. 5; 16, рис. 14, 32, 43-44; и др.]. А.А. Спицын в это время рассмотрел конструктивные особенности эмалевых брошей [53] и свел воедино все известные ему на юге России фибулы латенских типов [54]. М.И. Ростовцев опубликовал небольшую заметку о застёжках типа "Авцисса", в которой привел и данные из зарубежной литературы [45]. Образцы из своих коллекций публиковали П.С. Уварова [58, табл. XLVI, CXXXVI и др.], А.А. Бобринский [8, табл. I], Б.Н. и В.И. Ханенко [62, табл. VIII, 257-258; 63, табл. XLII, 343; 64, табл. IV-VI; 65, табл. IV, 438-439, XIX, 302-304].

Однако, подводя итог изучению фибул в дореволюционной России, приходится констатировать, что

накопление археологического материала в этот период значительно опережало его теоретическое осмысление. И хотя металлические застёжки все чаще стали "замечать", специального интереса они так и не вызвали. Центр изучения фибул в это время находился в Швеции и Германии, где и сформировалась особая отрасль археологического знания – фибуловедение.

Возобновленные в 20 – 30-х гг. XX в. систематические раскопки причерноморских античных памятников и планомерные исследования варварских погребений Волго-Донских степей позволили многократно увеличить хорошо документированный археологический материал и тем самым подготовить базу для фундаментальных теоретических изысканий. За рубежом в это время интерес к причерноморским застёжкам начал постепенно спадать. Итог накопленным ранее знаниям подвел О. Альмгрен в послесловии ко второму изданию своей фундаментальной работы [72, s.247-254], и с тех пор новые публикации, которые бы заметно корректировали старые представления, на Западе не выходили. Исключение составили только очерки М.И. Ростовцева и А.П. Калитинского. Первый, в числе прочих украшений, рассмотрел золотые двуугольные броши из варварских захоронений Прикубанья и Тамани, которые отнес к III-I вв. до н.э. и причислил к продукции боспорских ювелирных мастерских [93, p.133,189; 94, p.155-157]. Второй, сведя воедино весь доступный ему из литературы материал, попытался создать собственную схему развития фибул подвязной конструкции. Его концепция, основанная на ошибочных хронологических построениях, широкого признания в науке не получила, но разработанная им русская фибульная терминология стала огромной заслугой ученого [22].

Послевоенный этап в изучении причерноморских фибул ознаменовался резким возрастанием интереса к ним и появлением сразу нескольких обобщающих трудов. Первая сводная работа о фибулах юга Восточной Европы – рукопись К.Ф. Смирнова [51, с.79-80], состоящая из двух частей: фибулы из сарматских захоронений Поволжья и их аналоги из Северного Причерноморья. И хотя этот труд так и не был опубликован (автор издал только краткие замечания о полихромных брошах с двумя иглами [52, с.28-30]), он лег в основу фундаментального свода А.К. Амброза, откорректировавшего и развившего многие его положения [4, с.6].

В 1953 г. А.И. Фурманская опубликовала статью, посвященную фибулам Ольвии [61], в которой описала все известные на тот момент ольвийские застёжки (часть из которых, к сожалению, ныне утеряна), восстановила отдельные комплексы с ними, подтвердила наличие их местного производства и выделила явно импортные изделия. К сожалению, классификационная часть ее работы оказалась излишне формальной: исследовательница объединила вместе явно разновременные вещи, разбив их на группы только по одному внешнему признаку ("фибулы с подвязным приемником", "фибулы позднелатенской схемы", "фибулы с высоким приемником" и т.д.), и неверно продатиrowвала. Кроме того, собранные ею материалы были сильно обесценены крайним схематизмом рисунков. Однако эта работа до сих пор не утратила своего научного значения, и по сей день являясь единственным специальным исследованием по фибулам Ольвии.

Более подробную классификацию металлических застёжек предложил Э.А. Сымонович [55]. Основываясь на материалах Восточного некрополя Неаполя Скифского, он наметил общую схему развития этих изделий и дал датировки для отдельных выделенных им типов. Особое место в своей работе исследователь уделил причинам и обстоятельствам возникновения новых типов фибул, подверг критике господствующий в западной литературе формально-типологический подход в их изучении и выдвинул собственную гипотезу возникновения прогнутых подвязных застёжек черняховской культуры.

В 1940-1960-е годы свои замечания о некоторых фибульных формах опубликовали Т.Н. Книпович [23, с.59-60], М.И. Вязьмитина [8, с.240], В.П. Бабенчиков [7, с.122-123], Н.Н. Погребова [43, с.156-160], Д.Б. Шелов [69, с.71-75], Т.М. Арсеньева [6, с.200-201] и другие.

Зарубежные исследователи в это время обращались к восточноевропейским материалам только в контексте детального анализа фибул подвязной конструкции, широко распространенных в Центральной Европе в III – IV вв. н.э. [90; 96, s.113-122; 100; 101, s.180-188; и др.]. В частности, Ю. Земан, в противовес теории О. Альмгрена о готско-причерноморском влиянии на народы Центральной и Северной Европы в позднеантичное время, выдвинул гипотезу о ведущей роли сармат в распространении на запад причерноморских типов вещей, в том числе, фибул подвязной конструкции [101, s.188].

Настоящий прорыв в осмыслении фибул юга Восточной Европы совершил А.К. Амброз [2; 3; 4; 5]. Среди его трудов наиболее значительным является свод фибул юга Восточной Европы II в. до н.э. – IV в. н.э. Эта хорошо иллюстрированная работа, которую автор писал более десяти лет, сперва была защищена им в качестве кандидатской диссертации [3], а затем переработана и опубликована в виде монографии [4]. В ней впервые были сведены воедино, подробно проанализированы и сопоставлены с широким кругом центрально-европейских аналогов фибулы сарматского времени от Урала до Карпат, наряду с застёжками зарубинецкой и черняховской культур. Тщательно пересмыслив опыт предыдущего поколения исследователей, А.К. Амброз создал собственную стройную классификационную схему для причерноморских фибул и ввел четкую их терминологию. Весь фибульный массив II в. до н.э. – IV в. н.э. юга Восточной Европы был разбит им на 20 больших типологических групп (в 21-ю группу А.К. Амброз объединил двупластинчатые фибулы, бытовавшие в эпоху великого переселения народов [4, с.76-91]). Низшее звено классификации – вариант, включал небольшое число тождественных или почти тождественных вещей. Несколько близких вариантов объединялись в типы или серии. А одна или несколько серий составляли типологическую группу. При этом предполагалось, что выделенные варианты будут отражать постепенное развитие форм вещей во времени, а серии – их конструктивные, производственные или иные особенности [4, с.7-8]. Исследова-

тель также специально рассмотрел проблемы происхождения и датировки отдельных типов фибул и поставил вопрос об их значении для понимания сложных процессов экономического и политического развития юга Восточной Европы. Он даже попытался выявить основные направления экономических связей и миграций древнего населения региона, однако в полной мере сделать это ему не удалось, и из опубликованного варианта работы этот раздел был исключен.

А.К. Амброзу также принадлежат две специальные статьи. В одной из них ученый подробно рассмотрел фибулы зарубинецкой культуры [2], среди которых он выделил специфически зарубинецкие формы – застезки с треугольно расширенным концом ножки, рассмотрел их происхождение и наметил хронологию. Отдельно автор привел некоторые более поздние фибульные находки, связь которых с зарубинецкой культурой не совсем достоверна [2, с.190]. Вторая статья А.К. Амброза, посвященная публикации коллекции фибул, происходящих из Танаиса [5], стала своеобразным дополнением к его основной работе [4]. В ней изложена точка зрения ученого на механизмы развития фибульных форм и происхождение прогнутых подвязных застезек черняховской культуры.

Фундаментальный свод А.К. Амброза и по сей день остается единственным обобщающим трудом по фибулам сарматской эпохи. Предложенные в нем классификация и терминология за последние 40 лет не претерпели существенных изменений, однако установленные автором датировки серьезно устарели. Располагая ограниченным количеством хорошо документированных комплексов с фибулами, А.К. Амброз в своих хронологических построениях в значительной степени вынужден был опираться на типологический анализ и разработки зарубежных исследователей [81; 82; 85; 86; 89; 99; и др.].

Последующая корректировка результатов этих работ и новые археологические находки создали предпосылки для научной ревизии теоретических построений А.К. Амброза. Уточнению отдельных положений его классификации и хронологии посвящены статьи А.С. Скрипкина, Б.Ю. Михлина, О.Д. Дашевской, М.Ю. Трейстера, В.М. Косяненко, Е.Л. Гороховского, Н.А. Сон, М.П. Абрамовой, Т.А. Лаптевой, М.Г. Мوشковой, Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой, В.В. Кропотова, А.М. Лескова и других.

Так, в 1977 г. А.С. Скрипкин [48], сопоставив все известные на тот момент находки фибул из сарматских погребений Поволжья, согласился с предложенными А.К. Амброзом датировками для лучковых одночленных застезек, однако нашел возможным существенно сузить время бытования двучленных образцов этой группы (со II-III вв. до второй половины III в. н.э.). К иным выводам привел его и анализ причерноморских сильно профилированных украшений: их развитие он интерпретировал как изменение не столько в направлении увеличения длины спинки (как вслед за О. Альмгреном считал А.К. Амброз), сколько за счет ее уплощения. А.С. Скрипкин предложил более простую и четкую классификацию этих изделий, сузил их датировки. Другие положения концепции А.К. Амброза возразили с его стороны не вызвали, он лишь указал на позднее бытование в Поволжье некоторых провинциально-римских изделий, в частности, застезек типа "Авцисса".

В 1980 г. Б.Ю. Михлин [37] на основе анализа фибульного материала из хорошо стратифицированных комплексов Беляусского могильника (исследованного в 1967–1978 гг. экспедицией ИА АН СССР под руководством О.Д. Дашевской) пересмотрел предложенные А.К. Амброзом датировки для фибул II в. до н.э. – I в. н.э. Удревнив в среднем на 20–30 лет время бытования в Северном Причерноморье фибул латенских типов, он выделил и два новых их типа: застезки "со свободным концом ножки" и надвязные образцы среднелатенской схемы с плавно изогнутым корпусом ("беляусский" вариант). Большое значение для дальнейшего уточнения классификационно-хронологической концепции имело замечание автора о возможности более раннего, чем предполагал А.К. Амброз, появления застезек подвязной конструкции – не на рубеже эр, а в конце I в. до н.э. В более поздней работе, написанной Б.Ю. Михлиным в соавторстве с О.Д. Дашевской, это событие получило еще более позднюю датировку: его отнесли к концу II – первой половине I в. до н.э. [17, с.132-136].

К мнению Б.Ю. Михлина присоединился М.Ю. Трейстер [56]. Вводя в научный оборот фибулы из Горгиппии, он разделил их на две хронологические группы (рубеж н.э. – первая половина II в. н.э. и середина II – первая половина III вв. н.э.), сопоставил с фибульными наборами других боспорских городов и подчеркнул имеющиеся между ними сходства. Появление застезек подвязной конструкции исследователь отнес ко второй половине I в. до н.э., опираясь на находку одного такого экземпляра в Тирамбе в яме с материалами этого времени.

Собственную концепцию развития причерноморских фибул первых веков н.э., построенную на материалах некрополя Кобякова городища, предложила В.М. Косяненко [27]. Публикуемые вещи она тщательно разделила на группы, типы и варианты. Однако ее типологическая схема, основанная только на отдельных формальных признаках изделия (длине и форме обмотки у лучковых фибул и сечению спинки у фибул с кнопкой на конце приемника и сильно профилированных), стала шагом назад по сравнению с классификацией А.К. Амброза. Столь же поверхностными оказались и хронологические выводы В.М. Косяненко, хотя ею был сделан ряд существенных замечаний (в частности, о необоснованности поздних датировок фибул с кнопкой на конце приемника, предложенных А.К. Амброзом).

Е.Л. Гороховский и Н.А. Сон в своей публикации о коллекции металлических застёжек из Тиры [15], ссылаясь на центральные-европейские аналогии, пересмотрели датировки отдельных типов фибул и, опираясь на находку одного бракованного образца, предположили наличие в Тире собственного фибульного производства. Доминирование в коллекции застезек провинциально-римских форм они объяснили дислокацией в городе римского гарнизона и тесными экономическими связями Тиры с дунайскими провинциями. Е.Л. Гороховским был подготовлен также свод фибул Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья I – V вв. н.э. [14, с.15-64, 191-285], но эта работа, к сожалению, до сих пор не опубликована.

М.П. Абрамова уточнила время бытования в Центральном Предкавказье застежек причерноморских типов [1]. Описывая фибулы Хумаринского могильника, она пришла к выводу о местном производстве большинства из них, выделила в особый тип крупные шарнирные образцы с кнопкой на конце приемника, поставила под сомнение возможность хронологического членения сильно профилированных застежек по длине спинки (как предполагал А.К. Амброз) и по ее форме (как допускали А.С. Скрипкин и В.М. Косяненко), а также, основываясь на совстречаемости с другими типами фибул, уменьшила существующие датировки. Кроме того, М.П. Абрамова заключила, что нет оснований разводить во времени и одночленные лучковые застежки 4 и 5 вариантов по классификации А.К. Амброза: материалы кавказских могильников свидетельствуют об их полном сосуществовании. Рассматривая фибульное производство на Северном Кавказе в целом, исследовательница отнесла его формирование ко второй половине II – первой половине III вв. н.э., связав с нарушением в это время старых торговых связей и оттоком населения из северных предгорных районов ближе к горам на юг.

Т.А. Лаптева, знакомя читателей с огромным массивом металлических застежек из грунтовых могильников I-V вв. н.э. в Прикамье, выделила две большие группы фибул: импортные причерноморские образцы (к которым причислила и провинциально-римские эмалевые броши и шарнирные фибулы типа "Авцисса") и вещи местного производства. Их сопоставление позволило ей выявить этапы становления прикамского ювелирного стиля и охарактеризовать его особенности: стремление к массивности, округлости форм и украшение пластины выдавленными узорами [33].

М.Г. Мошкова осуществила систематизацию фибул из сарматских погребений Заволжья и Южного Приуралья [38; 39]. Сведя воедино весь доступный материал, она выявила доминирование в регионе двух типов застежек: лучковых подвязных и коленчатых с завитком на конце приемника, и уделила им особое внимание. Учет новых находок коленчатых фибул с завитком на конце приемника, названных ранее А.К. Амброзом "поволжско-сарматскими" и отнесенных им к концу III – началу IV вв. н.э., позволил М.Г. Мошковой расширить эту датировку до второй половины II или начала III – первой половины IV вв. н.э., а отсутствие таких изделий за пределами рассматриваемого региона – констатировать их местное производство (предположительно, в среде оседлого населения лесостепной полосы). Опираясь на результаты химических анализов, исследовательница отнесла к местному производству также часть лучковых застежек, но, отметив их распространение исключительно на севере и западе приуральской степи, четкого объяснения этому факту не дала.

Явная тенденция к удревнению лучковых фибул прослеживается в ряде работ Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой. При исследовании склепа 390 Усть-Альминского некрополя Ю.П. Зайцев обратил внимание на присутствие в затеке провала над камерой фрагментов позднеэллинистической керамики и на этом основании ограничил время функционирования гробницы концом II – первой половиной I вв. до н.э. Наличие в этом же комплексе застежек подвязной конструкции позволило ему датировать возникновение лучковых фибул концом II или началом I в. до н.э. [19, с.156-166]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в более поздних статьях ученого, подготовленных совместно с В.И. Мордвинцевой [20; 21]. В них появление лучковых фибул отнесено ко второй половине или последней четверти II в. до н.э. и высказано предположение о возможности длительного сосуществования (не менее 30-40 лет) этой формы с застежками среднелатенской схемы.

К близким выводам пришел в своих исследованиях и А.С. Скрипкин. Сначала очень осторожно высказывавшийся о возможности удревнения ранних лучковых фибул, датируя их концом I в. до н.э. – началом I в.н.э. [49, с.118], он затем существенно раздвинувший эти хронологические рамки, охватив ими весь I в. до н.э. и предположил длительное использование подвязных изделий вместе со среднелатенскими образцами [50, с.128-133].

Однако массовый археологический материал, с нашей точки зрения, свидетельствует против данной гипотезы: в хорошо стратифицированных позднескифских погребальных сооружениях с многократными захоронениями, где были встречены застежки обоих типов, фибулы среднелатенской схемы по сравнению с подвязными фибулами либо сопровождали более ранние погребения (склеп 2 Кульчукского могильника, склепы 50, 71 и 141 Беляусского некрополя, мавзолей Неаполя скифского, склеп 124 Битакского могильника и т.д.), либо находились вместе с ними среди смешанных костей сразу нескольких захоронений (склеп 390 Усть-Альминского некрополя, склеп 105 Битакского могильника). Известны также их единичные совместные находки в закрытых комплексах (Красный Маяк, могилы 44 и 47). Но, несмотря на огромное количество исследованных на сегодняшний день могил, до сих пор не известны стратиграфические случаи, когда бы лучковые фибулы предшествовали среднелатенским. Этот факт, несомненно, указывает на довольно быстрое замещение одного типа застежек другим и широкое распространение фибул подвязной конструкции уже после выхода из употребления образцов среднелатенской схемы [32, с.29-30].

Стилистический анализ кубанских полихромных брошей с двумя иглами провел М.Ю. Трейстер [98], который при сравнении этих изделий с другими категориями боспорских украшений (заколками, подвесками, ожерельями, браслетами и т.д.) отметил имеющееся между ними сходство в декоративных элементах и орнаментальных композициях и присоединился к мнению М.И. Ростовцева и К.Ф. Смирнова об производстве этих изделий на азиатской части Боспора. Наличие в Восточном Средиземноморье близких аналогий медальонам кубанских брошей М.Ю. Трейстер объяснил существованием общих художественных приемов, характерных для всего античного мира, и частым использованием при их изготовлении деталей пришедших в негодность импортных украшений. Отнеся двуигольные броши в целом ко II в. до н.э. – I в.

н.э., он в качестве прототипа для всей группы изделий выделил образец из Зеленского кургана, датировав его первой четвертью III в. до н.э.

Отдельные фибульные коллекции в разные годы опубликовали О.А. Гей [11, с.63-65, рис.6-7], Е.С. Нефедова [40], Н.Г. Новиченкова [41], В.В. Кропотов [29; 31], Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко [34]. Свои замечания о некоторых типах фибул высказали А.В. Кондрашов [24], О.А. Гей и И.А. Бажан [12], И.И. Марченко [35, с.28-32], И.Н. Храпунов и В.В. Мяскин [66, с.94-97; 67, с.168-169; 68, с.140-143], В.П. Глебов [13, с.199-204], В.В. Кропотов [30, с.182-188], И.В. Сергацков [46, с.107-109], А.В. Симоненко [47, с.138-139, 143-144], А.А. Труфанов [57, с.152-158], В.М. Кривошеев [28, с.144-146], А.Е. Пуздровский [44, с.80-81, 174 и сл.] и другие. Определенный прогресс в изучении фибул, особенно провинциально-римских форм, находящих аналогии среди восточноевропейских материалов, достигнут в ряде работ зарубежных исследователей [75; 76; 77; 79; 80; 83; 84; 89; 91; 92; и др.]. Вновь повысился интерес западных ученых к причерноморским фибулам, однако в этой области их работы, как правило, ограничиваются лишь кратким обзором русскоязычной литературы [см., например: 73; 74].

Выводы.

1. В результате многолетнего изучения фибул юга Восточной Европы II в. до н.э. – III в. н.э. отечественным исследователям удалось выявить общие закономерности в развитии этих изделий, показать их территориальные особенности, определить некоторые производственные центры и наметить датировки для отдельных выделенных ими типов. Однако единственная обобщающая работа о данных украшениях – фундаментальный свод А.К. Амброза, подготовленный автором более 40 лет назад, – на сегодняшний день серьезно устарела.

2. За прошедшее после выхода в свет этой работы время количество известных фибульных находок возросло во много раз. При этом особенно большое значение имели широкомасштабные исследования крымских и нижнедонских грунтовых могильников, давших очень выразительный в хронологическом и типологическом плане материал.

3. Накопленный фибульный массив, позволяющий по-новому взглянуть на классификацию, хронологию и эволюцию восточноевропейских застежек, требует детальной систематизации и незамедлительного теоретического осмысления. К этому обязывают не только новые фибульные находки юга Восточной Европы, но и возросшие возможности получения независимых датировок по другим достаточно хорошо датированным предметам.

Источники и литература

1. Абрамова М.П. Фибулы Хумаринского могильника (II-III вв. н.э.).// Историко-археологический альманах. – Вып.2. – Москва-Армавир, 1996.
2. Амброз А.К. Фибулы зарубинецкой культуры.// МИА. – 1959. – №70.
3. Амброз А.К. Экономические связи и передвижения народов на юге Европейской части СССР в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по археологическим данным). – Дисс... канд. ист. наук. – М., 1964.
4. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э.// САИ. – Вып. Д1-30. – М., 1966.
5. Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса.// Античные древности Подонья-Приазовья. – МИА. – 1969. – №154.
6. Арсеньева Т.М. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное.// СА. – 1963. – №1.
7. Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя скифского.// История и археология древнего Крыма. – К., 1957.
8. Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – Т.III. – СПб., 1901.
9. Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.// Вопросы скифо-сарматской археологии. – М., 1954.
10. Гаусман Р.Ф. Несколько заметок по поводу новых исследований «о фибулах» и по поводу фибул, хранящихся в музее Императорского Одесского Общества Истории и Древностей.// ЗООИД. – 1898. – Т.XXI.
11. Гей О.А. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре.// СА. –1987. – №3.
12. Гей О.А., Бажан И.А. К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника у с. Красный Маяк.// Проблемы скифо-сарматской археологии. – М., 1990.
13. Глебов В.П. Ранние подвязные фибулы и проблема конечной даты раннесарматской культуры.// Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы I Международной Нижневолжской археологической конференции. – Волгоград, 2004.
14. Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. – Дисс. ... канд. ист. наук. – К., 1988.
15. Гороховський Є.Л., Сон Н.О. Фібулі з Тіри.// Археологія. – 1989. – №3.
16. Гошкевич В.И. Древние городища по берегам низового Днепра. – Херсон, 1913.
17. Дашевская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника.// СА. – 1983. – №3.
18. Древности Боспора Киммерийского. – СПб., 1854.
19. Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя.// Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып. I. – Симферополь, 1997.
20. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода.// РА. – 2003. – №2.

21. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э.// Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Материалы V Международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". – Краснодар, 2004.
22. Калитинский А.П. О некоторых формах фибулы из Южной России.// *Seminarium Kondakovianum.* – Vol.I. – Prague, 1927.
23. Книпович Т.Н. Танаис. – М.-Л., 1949.
24. Кондрашев А.В. Фибулы грунтового могильника в ст. Старокорсунской.// Древности Кубани. Материалы археологического семинара. – Краснодар, 1987.
25. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г.// ИАК. – 1901. – Вып.1.
26. Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г.// ИАК. – 1911. – Вып.42.
27. Косяненко В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища.// СА. – 1987. – №2.
28. Кривошеев М.В. Фибулы из сарматских комплексов второй половины II – первой половины III вв. н.э. в южной части Волго-Донского междуречья.// Материалы IV Кубанской археологической конференции. – Краснодар, 2005.
29. Кропотов В.В. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац.// Археологические вести. – Вып.8. – СПб., 2001.
30. Кропотов В.В. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац.// Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып.2. – Симферополь, 2001.
31. Кропотов В.В. Фибулы некрополя Неаполя Скифского из раскопок В.П. Бабенчикова 1947-1948 гг.// Від Кіммерії до Сарматії. – К.: Корвін-Пресс, 2004.
32. Кропотов В.В., Лесков А.М. Курган с "коллективным погребением" у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.).// Культура народов Причерноморья. – Вып.84. – Симферополь, 2006.
33. Лаптева Т.А. Бронзовые фибулы Прикамья.// *Congressus primus historiae fenno-ugricae.* – Oulu, 1996.
34. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья.// Материалы и исследования по археологии Кубани. – Вып.4. – Краснодар, 2004.
35. Марченко И.И. Сираки Кубани. – Краснодар, 1996.
36. Мельник К. Каталог коллекции древностей А.Н. Поль в Екатеринославе. – Вып.1. – К., 1893.
37. Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника.// СА. – 1980. – №3.
38. Мошкова М.Г. Фибулы кочовиків Південного Приуралля.// Археологія.- 1997. – № 3.
39. Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и происхождения.// Нижневолжский археологический вестник. – Вып.3. Волгоград, 2000.
40. Нефедова Е.С. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма.// Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
41. Новиченкова Н.Г. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло.// РА. – 2000. – №1.
42. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1891 г. – СПб., 1893.
43. Погребова Н.Н. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского.// МИА. –1961. – № 96.
44. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007.
45. Ростовцев М.И. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области.// ИАК. – 1918. №65.
46. Сергацков И.В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья.// Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Материалы V Международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". – Краснодар, 2004.
47. Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья.// Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Материалы V Международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". – Краснодар, 2004.
48. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений).// СА. – 1977. – №2.
49. Скрипкин А.С. Об одном полемическом эпизоде в книге М.Б. Щукина "На рубеже эр" (СПб., 1994).// *Stratum+ПАВ.* – СПб. – Кишинев, 1997.
50. Скрипкин А.С. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье.// РА. – 2003. – №2.
51. Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья (автореферат кандидатской диссертации).// Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. – Вып.V. – М.: Изд-во МГУ, 1947.
52. Смирнов К.Ф. Северский курган. – М., 1953.
53. Спицын А.А. Предметы с выемчатой эмалью.// ЗОРСА. – 1903. – Т.V. – Вып.1.
54. Спицын А.А. Памятники латенской культуры в России.// ИАК. – 1904. –Вып.12.
55. Сымонович Э.А. Фибулы Неаполя скифского.// СА. –1963. – №4.
56. Трейстер М.Ю. Фибулы из Горгиппии.// Горгиппия. – Вып.II. – Краснодар, 1982.
57. Труфанов А.А. Некоторые датирующие признаки в конструкции лучковых фибул Северного Причерноморья.// Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. – Ч.2. – СПб., 2004.

58. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа.// МАК. – 1900. – Т.VIII.
59. Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.// ИАК. – 1903. – Вып.8.
60. Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 гг.// ИАК. – 1906. – Вып.13.
61. Фурманська А.І. Фібули з розкопок Ольвії.// Археологія. – 1953. – Т.VIII.
62. Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. – Вып. II. – К., 1899.
63. Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. – Вып. III. – К., 1900.
64. Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. – Вып. IV. – К., 1901.
65. Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. – Вып. VI. – К., 1907.
66. Храпунов И.Н., Масыкин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино.// Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып. I. – Симферополь, 1997.
67. Храпунов И.Н., Масыкин В.В. Подбойная могила второй половины III в. н.э. из могильника Дружное.// Stratum + ПАВ. – СПб. – Кишинев, 1997.
68. Храпунов И.Н., Масыкин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму.// РА. – 1998. – №4.
69. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса.// МИА. – 1961. – №98.
70. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г.// ИАК. – 1909. – Вып.30.
71. Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. – Stockholm, 1897.
72. Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen (2-е издание). – Leipzig, 1923.
73. Bârcă V. Fibulele din mediul sarmatic timpuriu din spațiul Nord-Pontic (sec. II-I a. Chr.).// Ephemeris Napocensis. – 2003. – XIII.
74. Bârcă V. Fibulele din mediul sarmatic Est-Carpatic (sec. I a. Chr. – începutur ser. II p. Chr.). Cronologie, origine, răspândire.// Comerț și civilizație. Transilvania în contextul schimburilor comerciale și culturale în antichitate. – Cluj-Napoca, 2005.
75. Bojovič D. Rimske fibule Singidunuma. – Beograd, 1983.
76. Cociș S. Fibulele din Dacia Romană. – Cluj-Napoca, 2004.
77. Demetz S. Fibeln der Spätlatène- und früherrömischen Kaiserzeit in der Alpenländern. – Bern, 1999.
78. Ebert M. Zur Geschichte der Fibel "mit umgeschlagenem Fuss".// Praehistorische Zeitschrift. – 1911. – Bd.III. – 3/4.
79. Ettliger E. Die römischen Fibeln in der Schweiz. – Bern, 1973.
80. Feugère M. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. // Revue Archéologique de Narbonnaise. – Supplément 12. – Paris, 1985.
81. Filip J. Keltové ve Střední Evropě. – Praha, 1956.
82. Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung im nördlichen Mitteleuropa und in Skandinavien.// 41. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1960. – Berlin, 1961.
83. Hattatt R. Ancient and Romano-British Brooches. – Ipswich, 1994.
84. Jobst W. Die römischen Fibeln aus Lauriacum.// Forschungen in Lauriacum. - Bd.10. – Linz, 1975.
85. Kossack G. Frühe römische Fibeln aus dem Alpenforland und ihre chronologische Bedeutung für die germanischen Kulturverhältnisse.// Aus Bayerns Frühzeit (Festschrift Fr. Wagner). – München, 1962.
86. Kovrig I. Die Haupttypen der kaiserzeitlichen Fibeln in Pannonien. – Budapest, 1937.
87. Martin F.R. Fibulor och söljor från Kertch.// Vitterhets historie och antiquitets Akademiens Månadsblad. 1894. Bihang. – Stockholm, 1897.
88. Patek E. Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen von Pannonien. – Budapest, 1942.
89. Peškar J. Fibeln aus römischen Kaiserzeit in Mähren. – Praha, 1972.
90. Raddatz K. Eine Fibel von Zugmantel.// Saalbuch Jahrbuch. – XIII. – Berlin, 1954.
91. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst.// Forschungen in Augst. – Bd.3. – Augst, 1979.
92. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975.// Forschungen in Augst. – Bd.18. – Augst, 1994.
93. Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. – Oxford, 1922.
94. Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain.// Monuments et mémoires par l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Fondation E. Piot. – Vol.26. – Paris, 1923.
95. Salin B. Die altgermanische Tierornamentik. – Stockholm, 1904.
96. Svoboda B. Čechy a římské Imperium. – Praha, 1948.
97. Tischler O. Über die Gliederung der La Tène Periode.// Korrespondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. – 1885. – Bd.16.
98. Treister M. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms).// Silk Road Art and archaeology. – 2002. – №8.
99. Ulbert G. Die römischen Donau-Kastelle Aislingen und Burghöfe. – Berlin, 1959.
100. Werner J. Die beiden Zierscheiben des Thorsberger Moorfundes. – Berlin, 1941.
101. Zeman J. Severní Morava v mladší době římské. – Praha, 1961.
102. Zichy E. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. – Vol.II. – Budapest, 1897.